

СИГИТАС ПАРУЛЬСКИС

Смерть

[239]

Ил / 2019

Перевод с литовского ТАТЬЯНЫ КОРНЕЕВОЙ-МАЦЕЙНЕНЕ

С Клаудией бродили по Венскому кладбищу. Оно огромно, под землей здесь более трех миллионов постояльцев. В день последнего суда здесь откроется прекрасное зрелище. Мы шли по еврейскому сектору. Это, вероятно, самая живописная часть кладбища. Богатые, солидные, прочные следы памяти. Маленький городок мертвых, где не бурлит ни одна ярмарка жизни.

Ноябрь, в редких сетях мглы желтеют из воска вылитые деревья. Старинные, сохранившиеся с самого основания кладбища, могилы напоминают дома, которые никто давно не посещал. Одно из главных преимуществ таких огромных кладбищ — здесь почти не встречаешь людей. А если и встретишь, не всегда понятно, в каком они качестве. Идешь и видишь: сидит старенькая дама на скамеечке, подходишь ближе — никого, только след невиданного крыла на влажной поверхности.

— Не могу представить себя умершим, — говорю Клаудии.

— Что ты имеешь в виду?

— Этого нет в моем опыте, в памяти — никаких переживаний, даже предчувствий, смерть могу сравнивать только со сном, но это меня не устраивает. И не только потому, что это застывшее клише. Смерть должна быть чем-то большим, она и есть нечто большее, то, что за воображением, вообще за гранью сознания и подсознания. Возможно, мое подсознание обладает информацией, возможно, страх, болезнь, истощение являются определенными подходами смерти, но, умерев, я не почувствую даже страха. То, что таится в нашем теле, живом теле.

— А я могу, — спокойно говорит Клаудия и длинными цепкими пальцами начинает скручивать сигарку.

— Нормальные сигареты заменить сигарками — самообман, — говорю Клаудии. — Ты их все равно выкуриваешь несколько не меньше, чем обычных сигарет. Логика такова: сворачиваю сигарки, следовательно, курю меньше, ибо этот процесс занимает время и так далее. Но ты можешь их скручивать чаще, чем другие, те, что курят обычные сигареты. Хотя ритуал, видимо, имеет

смысл. Все ритуалы в большей или меньшей степени самообман, поэтому и имеют смысл.

Замолкаю, ибо не знаю, почему вдруг заговорил о сигаретах. Несколько лет тому назад бросил курить, по-видимому, в моем быту не хватает имеющих смысл ритуалов.

Клаудия сворачивает сигарку; занята. Обрабатывает полученную информацию. Она немного похожа на большую черную птицу. Все филологи на них похожи. А может, наоборот — птицы на филологов.

Стоим у часовой, на которой большими буквами написано “Engel”. Огромная фигура ангела, напрягшись, тащит земной прах на небо. И так полтора столетия. Под его крыльями приютилась вся семья, несколько поколений. Прекрасная фамилия для умершего. Хороша она и для живого.

— Когда была беременна, когда рожала, — говорит Клаудия. — Этот опыт дает мне возможность почувствовать, что значит быть мертвым, знаю, что значит быть *другим*.

Молчу, ибо ничего не могу сказать о беременности и родах. И быть другим большого опыта у меня нет. Могу вчувствоваться в жизнь создаваемого персонажа, но это лишь видимость моего сознания, это никакой не другой.

Рождение и смерть совершенно противоположны в своем физическом выражении, в отношении вызываемых эмоций, однако действительно безгранично похожи по состоянию — полнейшее бессилие. Незвестность.

Говорить о смерти неприлично. Особенно когда жизнь настолько прекрасна, когда име-

ется интернет, цифровое телевидение, “The Killers” и Lady Gaga. Но смерть влечется как песок, пренебрегая нашими увливаниями, достижениями, социальным статусом и заслугами — или же страстным желанием жить. Она существует, притворившись жизнью, ее имя — и это интереснейший парадокс — будущее. Будущее, о котором мы привыкли так возвышенно, с надеждой говорить.

Социолог Джеффри Горер описал, как в середине двадцатого века в Англии изменилось поведение общества по отношению к мертвому. По его словам, траур был запрещен. Во-первых, англичане давно практикуют кремацию — таким образом происходит избавление от культа мертвых и посещения кладбищ. Во-вторых — возникают новые правила общения: потери надо скрывать, а не стимулировать, как это делалось, например, в XIX веке.

Литва во всех областях, а также и в области смерти, отстает на полстолетия. Очевидно, сегодня и наше отношение к мертвым изменилось. Странно, но это отношение сделалось сугубо коммерческим. Да, с одной стороны, траура мы тоже почти не носим; редко увидишь мужчину с черной матерчатой полоской на лацкане пиджака или женщину в черных одеядах, тем более — в черном платке. Двадцать лет тому назад это было нормальным, сегодня — исключение. Ну, может, только в маленьких городках, деревушках. Но человек, говорящий о смерти, особенно о смерти своего близкого, о трауре, о боли утраты, уже напоминает человека, говорящего непристойно-

сти. Несколько десятков лет тому назад так выглядел человек, пытающийся публично заговорить о сексе. Антиподы поменялись местами.

Обособились и два восприятия смерти: с одной стороны, смерть воспринимается как развлечение. Кино, телевидение, книги используют смерть в качестве стилистики, декораций. Желание опошлить, демифологизировать смерть, лишить ее зловещей силы происходит от нарциссизма и от любви к жизни. С другой — в Литве смерть становится предпринимательством. (Имею в виду не сферу услуг, ибо здесь она всегда была предпринимательством.) Не только работники бюро ритуальных услуг, но и каждый гражданин на смерть своего ближнего смотрит как на возможность заработать. Врачи охвачены ужасом, они уже боятся исполнять свой профессиональный долг — не дай бог, пациент умрет, сразу же будет подан иск в суд: ты испортил мою вещь, ты должен за это заплатить. Любовь к ближнему в Литве приобрела конкретное денежное выражение. “Во что вы цените смерть своего ребенка?” — “Три миллиона. Нет, пусть будет пять. А еще лучше — десять, ведь еще и моральный ущерб, траурное платье дорого стоило, и бензин...” Страшный перелом в сознании литовца. Если не удастся заработать через суд, можно продать свое горе хотя бы в печать. Если уж не за деньги (честно говоря, не знаю, платят ли хоть что-то тем, кто подробно рассказывает перед телевизионными камерами или на страницах газет о своем трауре), так хотя бы уж

за моральную сатисфакцию. Должны ли мы перед лицом смерти вести себя какнибудь по-другому? Нет. Мы поступаем так, как все. Как и надлежит человеку, ибо он сам создает правила. Умные, бездарные, абсурдные. Все-таки было бы хорошо осознать причины и следствия своего поведения.

Кредиты в банках, лизинги, доступность самых дальних уголков планеты, интернет, мобильный телефон, телевидение очень быстро отрезали нас от великой трансцендентальной традиции. Так, литовец с легкостью забыл, что существует не только тело. Что оно бrenно и временно. И никакая страховая компания, никакой банк, никакое правительство этого не может изменить. Можно во всем винить Бога, но подать в суд на Природу — это уже было бы абсурдом. Преувеличение телесного и является главной причиной того, что Литва становится такой непривлекательной для жизни, такой банальной, говорящей только о деньгах, только об экономике. В наших кинотеатрах фильмы начали показывать в формате 3D, в действительности же все стало беспрядельно плоским. Одна-единственная банальнейшая дименция. Ни ума, ни духа, ни грана осмысленности. Мышление здесь игнорируется как скучная непристойность, чувства подобны мылу, а цели — ложке. Это похоже на агонию. И не одного человека, а всей нации.

— Хотела ли бы ты, умерев, услышать слова: “Сейчас ты испытываешь то, что называется смертью, но ты не единственная уходишь. Это суждено всем, так не желай этой жизни, от-

брось привязанность. Несмотря на желание и привязанность, ты в этом мире остаться не сможешь, таким образом, жажда и привязанность только принудят и дальше блуждать в самсаре”? — спрашиваю у Клаудии.

Мне очень нравятся тибетские наставления умершим. С умирающим они общаются, как тренер со спортсменом — советуют, наставляют, приободряют.

Клаудия ничего не говорит. Снова сворачивает сигарку. Обработает информацию и скажет. Что-нибудь умное и точное.

Идем с Клаудией по пустой кладбищенской аллее, влажные надгробья светятся в мутном утреннем свете — фальшивые жемчужины на дне океана бытия. Мы движемся по самому дну человеческой экзистенции, здесь заканчиваются все пути.